

УЧЕНый, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

(К 100-летию со дня рождения профессора А. Л. Григорьева)

Алексею Львовичу Григорьеву (1904–1990) принадлежит совершенно особое место как в отечественном литературоведении, так и в истории университета им. А. И. Герцена, крупнейшего учебного и научного центра России.

В университете им. А. И. Герцена А. Л. Григорьев проработал более полувека — с середины 30-х до конца 80-х годов. Его коллегами по кафедре были известнейшие ученые и педагоги страны: И. И. Толстой, М. П. Алексеев, А. А. Гвоздев, Б. А. Крежевский, Б. Г. Реизов, Н. Я. Берковский, А. С. Ромм.

Около трех десятилетий А. Л. Григорьев возглавлял кафедру зарубежной литературы. Тактичный, в высшей степени интеллигентный человек, А. Л. Григорьев умел создать на кафедре совершенно особую атмосферу творческого содружества и взаимопонимания. А. Л. Григорьев не руководил в обычном понимании этого слова. Он советовал, подсказывал, помогал. Он умел и понять, и оценить индивидуальность каждого члена кафедрального коллектива и старался создать наиболее благоприятные условия для полноты его творческого самовыражения. При этом А. Л. Григорьев видел дело отдельного ученого и педагога в свете общих задач и планов кафедры.

А. Л. Григорьев был талантливым педагогом и воспитателем. Трудно сказать, сколько студентов слушали его лекции, трудно перечислить всех аспирантов, прошедших школу научного руководства профессора А. Л. Григорьева.

Сам А. Л. Григорьев, ученый широкой филологической эрудиции, корнями был связан с традициями русского академического литературоведения. Развивая идеи культурно-исторической школы, он неизменно отстаивал мысль о необходимости изучения художественного наследия писателя в контексте его исторической эпохи, с учетом всего комплекса фактов культурной и общественной жизни. Но особенно близко А. Л. Григорьеву как ученому было все, что связано со сравнительным литературоведением, у истоков которого стояли Александр Николаевич Веселовский и его школа. И это не случайно, что в многообразном наследии А. Л. Григорьева была одна все скрепляющая нить — взаимосвязи и типология литератур мира. В рамках этой общей проблемы ученого особенно привлекал конкретный вопрос: русская литература и ее восприятие и оценка за рубежом.

Интерес именно к этому аспекту исследования обнаружился уже в рамках первой большой темы, которой и начинается путь А. Л. Григорьева-ученого. Тема эта — творчество Алексея Максимовича Горького. Три крупные статьи о Горьком были опубликованы А. Л. Григорьевым еще в довоенное время. На основе их была завершена диссертация «Горький и литературы Запада». При знакомстве с первыми работами А. Л. Григорьева — они были опубликованы с 1938 по 1941 год — нельзя не понять, в каких жестких идеологических рамках приходилось

творить ученому. Он вынужден был следовать строго установленному канону: идеологизированные на злобу дня вступление и заключение, набор обязательных цитат из непререкаемых авторитетов, ряд выпадов в адрес буржуазной, как правило, реакционной науки. Но за всем этим множество интересных наблюдений, литературных фактов, которые жили своей особой, самостоятельной жизнью и фактически опровергали официально принятые догмы. И именно эта сторона работ А. Л. Григорьева интересна и сегодня. А. Л. Григорьеву удалось выявить типологическую общность формы творческого воздействия Горького на многих писателей Запада. В этом ряду: Ромен Роллан, Стефан Цвейг, Джек Лондон, Шервуд Андерсен, Бертольд Брехт.

Многообразно раскрыты пути освоения уже самим Горьким художественного наследия Запада. Это и «байронизм» героев ранних рассказов Горького, воспринятый через призму южных поэм Пушкина. Это и поэма Горького «Человек», толчком к написанию которой послужили «Манфред» и «Каин» Байрона. Это и вопрос о характере восприятия Горьким «внутренней разорванности» и иронии немецкого поэта Генриха Гейне. Это и исследование отражения художественного опыта великих романистов XIX века в творчестве Горького. При этом возникали такие аналогии: «Фома Гордеев» и романы Бальзака, «Жизнь Клима Самгина» и «Ругон Макары» Золя, «Дело Артамоновых» и «Буденброки» Томаса Манна. Интересны наблюдения ученого о характере отношения Горького к творчеству Виктора Гюго (по материалам незавершенного романа русского писателя «Русский Жан Вольжан»). Любопытна трактовка А. Л. Григорьевым образа Клима Самгина — как итог истории молодого человека, как явление не только русское, но и общеевропейское¹.

Работу в избранном направлении А. Л. Григорьев продолжил, так что в итоге им была создана своеобразная энциклопедия восприятия и критических оценок русских классиков в зарубежном

литературоведении. Эту группу работ ученого составляют специальные исследования об А. С. Пушкине, А. И. Герцене, Н. А. Некрасове, А. П. Чехове, В. Я. Брюсове, Глебе Успенском².

Особо следует отметить работы А. Л. Григорьева о русских писателях, отношении к которым в официальных сферах страны было достаточно настроженным, если не сказать негативным. Речь идет о Леониде Андрееве и Федоре Достоевском.

Статья А. Л. Григорьева о Леониде Андрееве появилась в 1972 году. Это был еще тот период, когда имя русского писателя после долгих лет вынужденного забвения стали робко возвращать на страницы наших изданий. Принципиальное значение имело название этой работы: «Леонид Андреев в мировом литературном процессе». Уже одно это определяло Андреева как писателя мирового масштаба. О Л. Андрееве, который долгие годы именовался реакционером и пессимистом, А. Л. Григорьев писал: «Андреев входит в мировой литературный процесс как продолжатель великих гуманистических заветов русской классической литературы»³.

Предметом особого внимания А. Л. Григорьева был Ф. М. Достоевский. Автору «Братьев Карамазовых» ученый посвятил около десятка работ⁴. Ряд из них посвящен оценкам и восприятию Достоевского зарубежными критиками и литературоведами. В своей совокупности эти работы имели одну главную цель: показать, насколько глубоко вошел русский писатель в художественное сознание XX века. Акцентируя внимание на силе художественно гения Достоевского, А. Л. Григорьев постоянно обращал внимание на недопустимость разделения Достоевского писателя и мыслителя. «Отделить в Достоевском мыслителя от художника фактически невозможно, — писал А. Л. Григорьев, — в самом его художественном мышлении заложено огромное интеллектуальное содержание, часто поражающее неожиданностью или парадоксальностью развития определен-

---

ной художественной идеи, и, очевидно, поэтому Достоевского высоко ценил Альберт Эйнштейн». Выступал А. Л. Григорьев и против попыток отдельных исследователей рассматривать психологизм Достоевского, абсолютизируя лишь одну теорию: будь то фрейдизм, юнгианство или нечто иное. Приблизиться к истине при таком подходе невозможно, ибо, как писал ученый, «из поля внимания выпадает целостная личность Достоевского, понять которую можно только с учетом всего ее интеллектуального, морального и эмоционального содержания».

Среди работ А. Л. Григорьева о Достоевском особое место занимает статья «Достоевский и Дидро». Ее следует отнести к лучшим работам по сравнительному литературоведению, появившимся в последние десятилетия в нашем литературоведении⁵. В своей статье А. Л. Григорьев показал, что интерес Достоевского к Дидро, в частности, к философской повести «Племянник Рамо», имел в своей основе глубокие причины. Дидро и Достоевского тесно сближало особое внимание к типу человеческого характера, известного под именем «добровольный шут» или «комический мученик». Племянник Рамо — далекий предшественник таких героев Достоевского, как Фома Фомич («Село Степанчиково»), Мармеладов («Преступление и наказание»), Федор Карамазов («Братья Карамазовы»). Но, как отмечал А. Л. Григорьев, «добровольные шуты» Достоевского, в отличие от племянника Рамо, в гораздо большей мере испытывают муки совести, в них больше внутреннего надрыва. «Добровольные шуты» у Достоевского предстают «как гротескный элемент всеобщей трагедии человеческой жизни, а тема разорванного сознания раскрыта Достоевским не как интересный, но исключительный психологический факт, а как всеобщее явление, как выражение кризиса современного человека».

Огромный фактический материал по сравнительному литературоведению, комплекс теоретических идей по данным

вопросам нашли свое обобщающее выражение в крупном исследовании — в докторской диссертации, защищенной А. Л. Григорьевым в 1965 году, а затем и в капитальной книге «Русская литература в зарубежном литературоведении»⁶.

Заниматься в те годы сравнительным литературоведением на актуальном, современном материале было не только сложно, но и не безопасно. Оценки и трактовки в подобных работах должны были строго отвечать общепринятым идеологическим установкам. А. Л. Григорьев, насколько это было возможно, отвлекался от идеологических оценок, предпочитая, как он сам писал, уйти в область «деловых научных споров». Он стремился, чтобы фактический материал и строгий академический анализ этого материала говорил сам за себя. Он старался упомянуть, избегая негативных оценок, тех зарубежных исследователей, которые, казалось бы, прочно и навсегда были преданы у нас полному забвению. Это и Томаш Масарик («Россия и Европа», 1913), Бернард Шульце («Русские мыслители»), Ричард Пайпс («Записки о древней и новой России», 1959), Джеймс Биллингтон («Икона и топор», 1961), Л. Чижевский («Святая Русь», 1959; «Россия между Востоком и Западом», 1959) и многое другое.

Нельзя не сказать и о том, что у А. Л. Григорьева была еще одна область исследования, на которой он сосредоточил свое внимание в начале 50-х годов. За сравнительно короткий срок он опубликовал целый ряд работ, посвященных болгарским писателям (Людмилу Стоянову, Христо Ботеву, Димитру Полянову, Павлу Вежинову) и болгарскому языку.

Много сил и времени А. Л. Григорьев отдавал работе со студентами и аспирантами, занимался вопросами преподавания зарубежной литературы в высшей школе. По подготовленной А. Л. Григорьевым программе «Зарубежная литература новейшего времени» в течение ряда лет работали все педагогические вузы страны⁷. Столь же активно занимался в эти годы А. Л. Григорьев науч-

---

ным редактированием. Он был главным редактором многих выпусков «Герценовских чтений». Лишь в одно десятилетие — с 1973 по 1983 год — по инициативе А. Л. Григорьева кафедрой зарубежной литературы было подготовлено и семь сборников научных работ⁸.

В последние годы своей деятельности А. Л. Григорьев обратился к разработке новой научной темы: судьбы русской литературы в первые десятилетия XX века. Тема эта в советский период оставалась в отечественном литературоведении мало исследованной. В итоге появились крупные публикации А. Л. Гри-

горьева: главы в четвертом томе «Истории русской литературы» (М., 1983): «Символизм», «Акмеизм», «Футуризм»⁹. Эти разделы в коллективном исследовании должны были стать началом большого труда о русской литературе XX века. Общий замысел книги на эту тему уже сложился у А. Л. Григорьева. Задуманному, к сожалению, не удалось сбыться. Помешала болезнь, а затем и преждевременная смерть ученого. Но и то, что сделал А. Л. Григорьев за свою подвижническую жизнь, остается неисключимой страницей отечественного литературоведения и отечественного просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький и мировое литературное движение // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1939. Т. 26. С. 27–74; Горький и мировое литературное движение // Звезда. 1939. № 4. С. 183–195.

² Поэзия Некрасова во Франции // Научный бюллетень ЛГУ. 1947. № 16–17. С. 146–149; Чехов и прогрессивная зарубежная литература // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена., 1955. Т. 121. С. 3–42; Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VII. Пушкин и мировая литература. Л., 1974. С. 221–250; Валерий Брюсов в зарубежной критике. К вопросу о его месте в русском литературном процессе // Русская литература. 1973. № 4. С. 172–179; Некрасов и зарубежная поэзия. Поэзия Некрасова и ее соотношение с литературным процессом за рубежом // Некрасовский сборник. Поэзия любви и гнева. Л., 1973. С. 118–129; Глеб Успенский в зарубежной критике // Русская литература. 1973. № 2. С. 209–223. А. И. Герцен в зарубежной критике (1917–1965) // А. И. Герцен. Исследования и материалы. Л., 1974. С. 63–118.

³ Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская литература. 1972. № 3. С. 190–205.

⁴ Достоевский и зарубежная литература // Ученые записки кафедры зарубежной литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1958. С. 3–54; Достоевский и Кальдерон. К вопросу о замысле поэмы Достоевского «Император» // Литературоведение. Научные доклады. 1968. 9 апреля — 14 мая. Л., 1968. С. 130–131; Достоевский в современном зарубежном литературоведении. 1945–1971. Основные проблемы и направления в изучении его наследия // Русская литература. 1972. № 1. С. 192–214.

⁵ Достоевский и Дидро. К постановке проблемы // Русская литература. 1966. № 4. С. 88–102.

⁶ Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977.

⁷ Зарубежная литература новейшего времени (1917–1982) // Программы педагогических институтов. М., 1983. С. 49–86.

⁸ Русская литература и мировой литературный процесс. Л., 1973. Литература и мифология. Л., 1975; Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Л., 1973; Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Л., 1977 (два выпуска); О национальном своеобразии европейских литератур. Л., 1980; Проблема жанра литератур стран Западной Европы и США (XIX- первая половина XX в.). Л., 1983.

⁹ Символизм (гл. 13, разд. 1–9), Акмеизм (гл. 2), Футуризм (гл. 22, разд. 2–4) // История русской литературы: В 4 т. Т. 4. М., 1983.